

Международное морское право в эпоху рабовладельческого строя.

В эпоху рабовладельческого строя торговые сношения между странами развивались сравнительно медленно. Море ещё не стало большой дорогой, соединявшей все страны тогдашнего мира. Тем не менее морские связи существовали и развивались. Первые попытки кодификации морского права относятся к античному времени. Они имели целью, как это было сделано в Родосском кодексе, или Родосском морском праве, объединение правил, которые хотя и не были санкционированы какой-либо суверенной властью, но постепенно приобрели обязательный характер, добровольно признаваемый купцами и торговцами всех наций.

Родосский кодекс, относящийся к III или II веку до нашей эры, пользовался, по-видимому, широкой популярностью в районе Средиземного моря, так как его принципы признавались и греками и римлянами. Память о нем хранится целое тысячелетие. Компиляция его норм, созданная во время поздней Империи, носила название Родосского морского права. Это право было сведено воедино, вероятно, между VII и IX веками и применялось в районе Средиземного моря в течение продолжительного времени.

Поскольку в античное время торговые и морские сношения не приобрели еще большого международного значения, естественно, что тогда и не могла возникнуть потребность в установлении свободы мореплавания в качестве юридической нормы, регулировавшей взаимоотношения государств на морях. Тем не менее некоторые исследователи утверждают, что свобода открытого моря как понятие международного права возникла в античном мире. Эту точку зрения, например, высказал Л. Оппенгейм, который писал: «В древности и в раннее средневековье судоходство в открытом море было свободно для всех».

Однако истории древнего мира, напротив, известны случаи установления преимущественного или даже господствующего положения более сильных государств в определенных морских районах.

В период расцвета могущества Рима, и в особенности в то время, когда он овладел всем средиземноморским побережьем, римляне рассматривали Средиземное море в качестве своего озера и называли его *Mare nostrum* (наше море). Дионисий Галикарнасский утверждал: «Римский народ повелевает всеми морями, не только тем морем, которое простирается до Геркулесовых столбов, но и океаном, насколько он доступен для судоходства»[2]. Выдающийся русский исследователь истории международного права профессор В. Э. Грабарь, писал, что «пока единство Римской империи не было разрушено, на море не было иной юрисдикции, кроме императорской». Но установление римской юрисдикции на море не сопровождалось притязаниями на владение морем, что станет характерной особенностью притязаний на море в эпоху феодализма. Римское право не отождествляло вопросы юрисдикции и собственности, оно их различало и разделяло.

Сторонники точки зрения о возникновении еще в античное время свободы использования моря в качестве нормы межгосударственных отношений обычно обосновывают свои взгляды ссылками на высказывания римских юристов, в частности Ульпиана и Цельза (Цельзуса), которые рассматривали море как вещь, являющуюся достоянием всех людей и находящуюся в их общем пользовании (*maris communem usum omnibus hominibus*). Действительно, Цельз писал: «Морские берега, на которые распространяется власть римского народа, принадлежат, по-моему, римскому народу; море же состоит в общем пользовании всех людей»[3]. Но он говорил об общем пользовании «всех людей», а не «всех народов» известного ему в то время мира.

Римские юристы не видели разницы в правовом положении моря и воздуха. По их мнению, воздух, как и море, находится в общем пользовании всех. Их высказывания касались не отношений международно-правового характера, а отношений, регулировавшихся внутренним римским правом. Голландский

профессор Франсуа правильно заметил, что римские авторы, говоря о море как общей вещи и о невозможности приобретения права собственности на него, имели в виду право индивидуальной собственности и вовсе не считали море неограниченно открытым для других народов, кроме римлян.

В силу экономических условий развития рабовладельческого общества правосознание в то время не могло подняться до понимания необходимости провозглашения свободы морей в качестве принципа международных отношений. Даже в более позднее время, когда на смену рабовладельческим отношениям пришли отношения феодальные, являвшиеся более высокой ступенью в социально-экономическом развитии общества, объективных причин для установления принципа свободы моря еще не возникло.

При распространении своей власти на морские пространства ни греки, ни римляне не делили их на какие-либо категории, похожие на «территориальные воды» или «открытое море». Правда, время от времени римские императоры или другие властители огораживали отдельные участки моря, которые становились, таким образом, их частным владением. Так, римский император Лев, вопреки советам древних юристов, распространил право собственности на моря «вплоть до пролива Босфора фракийского, так что их можно было замыкать какими-нибудь преградами»[5]. Подобные действия станут широко распространенной практикой лишь в последующую эпоху развития человечества.

Весьма интересно также следующее приведенное Г. Гроцием заключение древнегреческого историка Фукидида(460 —400 гг. до н.э.): «Несомненно, что тот, кто занял море, не может воспрепятствовать судоходству невооруженному и мирному, а когда невозможно воспрепятствовать с берега — даже менее необходимому и более опасному проходу».

Эта идея, развитая и обоснованная много веков спустя Г. Гроцием и его последователями, содержала в себе зародыши таких будущих понятий, как мирный проход через морскую полосу, которую прибрежное государство может защищать с берега силой оружия, а за этой полосой — плавание, которое необходимо, не будучи даже мирным. Но такому развитию событий предшествовали иные времена в истории развития международного морского права. Они связаны с феодализмом.